Но продолжая Лукреция, Макробий отрицает его, и как настоящий последователь Платона создает новый миф. Десятая глава завершается синтезом латинского эпоса: *каждый претерпевает собственные адские муки* (*Энеида* VI,743) – и орфико-пифагорейской платонической теории переселения душ. Результатом этого является краткая формула, эхо которой будет звучать в веках: *Преисподняя находится в этих [наших] телах.*

Перевод сделан по изданию *Ambrosii Theodosii Macrobii Commentarii in Somnium Scipionis*, Lipsiae, 1963.Для сверки использован английский перевод *Macrobius*. Commentary on the Dream of Scipio/Transl. with an Introd. and Notes by William Harris Stahl, New York 1990. В основу примечаний положены комментарии У. Сталя, которые расширены и дополнены. Текст перевода сверен В. И. Уколовой.

АМВРОСИЙ ФЕОДОСИЙ МАКРОБИЙ

КОММЕНТАРИЙ НА «СОН СЦИПИОНА»

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА VIII

1. Обсудив отчасти эти [слова Сципиона Старшего] [1], перейдем к остальному.

Но знай, Публий Африканский, дабы тем решительнее защищать дело государства [rem publicam]: *всем тем, кто сохранил отечество, помог ему, расширил его пределы, назначено определенное место на небе, чтобы они, блаженные* [beati], *наслаждались там вечной жизнью. Ибо ничто так не угодно высшему божеству* [illi principi deo], *правящему всем миром, во всяком случае из происходящего на земле, - как собрания и объединения людей, связанные правом* [iure], *что называются государствами* [civitates]. *Их правители и охранители* [2], *отсюда отправившись, сюда же и возвращаются* [3].

2. Предсказав [Сципиону] смерть, [дед его] затем весьма кстати говорит о наградах, на которые следует уповать добрым [людям]. Ведь вследствие величия обещанного блаженства и небесного жилища помышления этих людей настолько свободны от страха перед предсказанным концом жизни, что они даже воодушевляются до желания умереть.

Но [прежде] следует сказать кое-что о блаженстве, которое уготовано хранителям отечества, чтобы после разъяснить весь отрывок, о котором теперь идет речь.

3. Только добродетели делают [человека] блаженным, и никаким иным способом не обрести ему этого имени [4]. Поэтому [те], кто пола-

© М. С. Петрова, перевод, 1996

гает, что лишь философствующим присущи добродетели, заявляют, что только философы являются блаженными. Ведь собственно мудростью они называют познание божественного, и именуют мудрыми лишь тех, кто ищет вышнего посредством остроты ума, познает его тонкостью тщательного исследования, и, насколько дозволяет прозрачность [здешнего] жития, видит вышнее и подражает ему. Только в этом, говорят они, состоит развитие добродетелей, функции которых распределяют они так [5].

4. Свойство благоразумия – посредством созерцания божественного презирать сей мир и все, что миру присуще; все помыслы души направлять на одно только божественное. Свойство умеренности – оставить, насколько дозволяет природа, все, что обусловлено потребностью тела. Свойство мужества – это когда душа не страшится отказаться от тела под, так сказать, водительством философии и не ужасается высоте совершенного восхождения к вышнему. Свойство справедливости – допускать для себя из изложенного один путь: подчинение каждой добродетели [6].

И выходит так, что в соответствии с этим столь решительно и строго [сформулированным] определением правители государств не могут быть блаженными.

5. Но Плотин первый вместе с Платоном среди учителей философии, в книге *О добродетелях* распределил по порядку их степени [7], разместив [их] на основании истинного и природного разделения. Есть, говорит он, четыре рода четырех добродетелей. Первые из них называются гражданскими, вторые – очищающими, третьи – [это добродетели] уже очищенного духа, четвертые – [добродетели] – образцы.

6. Поскольку человек является общественным животным [8], он обладает гражданскими добродетелями. С их [помощью] добрые мужи заботятся о государстве, оберегают города, почитают родителей, любят детей, ценят близких. Посредством их они заботливо и осмотрительно защищают сограждан [socios] и подчиняют справедливому милосердию, [своими добродетелями] *они заслуженно заставили других помнить себя* [9].

7. Свойство гражданского благоразумия – отдавать все помыслы и действия руководству разума, не желать и не делать ничего, кроме того, что правильно, о делах человеческих заботиться как о божественных повелителях. Благоразумию присущи разум, ум, осмотрительность, предвидение, способность учиться, осторожность.

Свойство [гражданского] мужества – поднимать дух над страхом опасности, не бояться ничего, кроме бесчестного, стойко переносить и невзгоды, и благополучие. Мужество дает великодушие, уверенность, невозмутимость, величие, постоянство, терпеливость, твердость. Свойство [гражданской] умеренности – не устремляться ни к чему, в чем можно было бы раскаяться, ни в чем не переступать закон меры, подчинять влечения узде разума. За умеренностью следуют сдержанность, почтительность, воздержность, целомудрие, порядочность, самообладание, бережливость, трезвость, скромность. Свойство [гражданской] справедливости – сохранять каждому то, что ему принадле-

жит [10]. От справедливости происходят безупречность, дружба, согласие, преданность, благочестие, душевное расположение, человечность [11].

8. Посредством этих добродетелей добрый муж становится правителем вначале себя [самого], а затем государства. Он руководит справедливо и предусмотрительно, не пренебрегая человеческими делами.

Второй ряд добродетелей, именуемых очищающими, свойствен человеку, способному к восприятию божественного. Они высвобождают дух лишь того, кто решил очиститься от взаимодействия с телом, и, так сказать, бегством от дел человеческих устремляется единственно к божественному. Подобные добродетели принадлежат [людям], располагающим досугом, ставящим себя вне государственных дел. В чем существо каждой из этих [добродетелей], мы описали выше, когда говорили о добродетелях, [принадлежащих] философствующим. Они же только их и считают за добродетели.

9. Третьи [добродетели] принадлежат духу уже очищенному и отстоявшемуся; отскобленному и дочиста отмытому от всякого налета этого мира. На этой ступени свойство благоразумия – не предпочитать божественное, словно бы имелся выбор, но познавать единственно его, всматриваться в него, как если бы ничего иного не существовало. Свойство умеренности здесь – не сдерживать земные влечения, но совершенно их забыть. Свойство мужества – не побеждать страсти, но не ведать их, чтоб *не уметь раздражаться, не желать ничего* [12]. Свойство справедливости так соединяться с высшим и божественным умом, чтобы через подражание [13] ему сохранить с ним вечный союз.

10. Четвертый род [добродетелей] – это те, которые содержатся в самом божественном уме, который, как мы сказали, именуется *нусом*, по их образцу в [должном] порядке проистекают все остальные [добродетели]. Ибо если [должно полагать], что в уме есть идеи прочих вещей, тем более следует думать, что там содержатся идеи добродетелей.

Благоразумие там – это сам божественный ум, умеренность – то, что с неослабным вниманием обращено на себя; мужество – то, что всегда одно и то же и никогда не меняется; справедливость – то, что, согласно извечному закону, не отклоняется от всегдашней неустанности своего делания [14].

11. Таковы четыре рода четырех добродетелей, которые, помимо всего прочего, различаются более всего применительно к страстям. Страстями же, как мы знаем, называется то, когда люди *боятся и жаждут, печалятся и радуются* [15].

Первый род добродетелей страсти унимает, второй – удаляет, третий – забывает, в отношении четвертого их даже упоминать грешно.

12. Итак, если назначение и осуществление добродетелей заключается в том, чтобы делать блаженным [16], а, с другой стороны, известно, что существуют добродетели гражданские, то и с помощью последних становятся блаженными. Тогда по праву Марк Туллий говорит о правителях государств: *там, блаженные, наслаждаются они вечной жизнью*. Дабы показать, что одни делаются блаженными с помощью доб-

родетелей, [требующих] досуга, а другие – с помощью добродетелей, [требующих] занятости, он не сказал, что совершенно ничто так не угодно вышнему богу, как государства, но добавил *во всяком случае из происходящего на земле*, так он отличает тех, кто сразу приступает к самому небесному, от правителей государств, путь на небо которым готовится через земные деяния.

13. Какое определение государства может быть более точным, более осмотрительно [выбранным], чем *собрания*, говорит он, *и связанные правом* [iure] *объединения людей, что называются государством?* Ведь и шайки разбойников и гладиаторов могли некогда быть *собраниями и объединениями людей*, но не *связанными правом*. А только то множество [людей] основано на праве [iustus], которое все целиком согласно подчиняться законам.

ГЛАВА IX

1. А слова [Цицерона] *правители и охранители* [государств], *отсюда отправившись, сюда же и возвращаются*, должны быть восприняты следующим образом. Известно, что среди правильно мыслящих философов существует недвусмысленное учение о том, что душа берет свое начало с неба, и для души, пока она [находится] в теле, совершенная мудрость состоит в том, чтобы припомнить, откуда она возникла, из какого источника произошла.

2. Поэтому неким [поэтом] среди прочего, веселого или язвительного, серьезно было сказано вот что: *с неба нисходит* γνῶθι σεαυτόν [17].

Ведь так говорят возглашает и Дельфийский оракул [18]. Вопрошающему, каким путем достичь блаженства, он говорит: [достигнешь], если познаешь самого себя [19]. И это же поучение было начертано на фронтоне самого [Дельфийского] храма [20].

3. Но для человека, как мы сказали, самопознание возможно единственным образом: если он обернется к первоисточнику и началу [своего] возникновения и рождения, и *не будет искать вне себя он* [21]. Ведь только так – осознанием благородства [своего происхождения] – душа усваивает те добродетели, [с помощью] которых она, после того как отлетает от тела, несется назад, откуда сошла. [Это возможно], поскольку [та душа], которая наполняется чистым и легким горючим веществом [22] добродетелей, не загрязняется телесным и не отягощается нечистым [eluvie]. И, кажется, что она никогда не покидала небо, которое [всегда] почитала и о котором помышляла.

4. Поэтому, [напротив], душа, сроднившаяся с привычками тела, [которые] словно превратили [ее] из человека в скота, страшится отделения от тела, и, когда необходимость настает, *негодуя, к теням отлетает со стоном* [23]. И нелегко оставляет она тело после смерти, так как ей *не дано до конца от зла, от скверны телесной освободиться* [24].

5. Напротив, она или блуждает [возле] своего мертвого тела, или вьется вокруг нового обиталища – не обязательно человеческого, но также звериного [25], избрав тот род [живых существ], соответствующий образу жизни, который она любила вести [будучи] в человеке. И

она предпочитает терпеть все, лишь бы избежать неба, которое покинула либо по незнанию, либо по небрежению, а скорее предательством.

6. А вот правители и прочие мудрецы, живущие [на земле], продолжают чтить небо, даже пока обитают в теле, а после [расставания] с ним легко добиваются небесного жилища, которого они никогда не покидали. И не попусту, не из-за напрасной лести древние причисляли основателей городов, либо выдающихся государственных мужей к числу богов. А Гесиод ревнитель божественного происхождения [таких людей] – числит древних царей среди прочих богов; и, по образу их прежнего могущества, вменяет им в обязанность управлять делами людскими на небе точно так же, [как на земле].

7. И чтобы никто не досадовал, если мы приведем в оригинале строки, которые произнес греческий поэт, процитируем их [так], как они переведены на латинский: *По воле Юпитера* [древние герои] *являются отечественными богами. Некогда люди, теперь, вместе с небожителями они охраняют земное. Благодатные, щедрые, теперь* [как и прежде] *получили они царскую власть*[26].

8. Это не отрицает и Вергилий, который, хотя и отправил, сообразуясь со своим повествованием, героев в преисподнюю, однако не лишает их неба, но отдает им «высокий эфир» [aethera largiorem], и прямо заявляет, что они [там] *знают свое солнце и свои звезды*[27], чтобы изложением двуединого учения представить и поэтический вымысел и философскую истину[28].

9. И если, согласно Вергилию, [души], оставив тело, продолжают исполнять даже более простые дела, которыми занимались при жизни: *забранные с земли наследуют ту же удачу в колесницах и оружье, какая была* [у них] *при жизни, ту же заботу*, [что была] *у холивших усердно коней*[29], - то тем более не оставляют заботу управления людьми былые правители городов, принятые обратно на небо.

10. Полагают, что их души, возвращаются на самую дальнюю сферу, которая называется ἀπλανής (неподвижной), и названа так не напрасно, поскольку оттуда они происходят. Ведь звездная часть вселенной предоставляет жилище душам, еще не охваченным жаждой тела, и оттуда они соскальзывают в тела. Туда же будет возврат тем, кто этого заслуживает[30]. Следовательно, в высшей степени правильно было сказано [Сципиону], когда на Млечном Пути, который содержится на неподвижной сфере звезд, были произнесены такие слова: *исходя оттуда, туда же и возвращаются.*

ГЛАВА X

1. [Теперь] перейдем к следующему: *Здесь я, хотя и был охвачен ужасом - не столько перед смертью, сколько перед кознями родных, все же спросил, жив ли он сам, отец мой Павел и другие, которых мы полагаем умершими.*

2. Хотя и по случайному поводу, в обычной беседе, [но] проявляются внедренные семена добродетелей[31], которые, как сейчас можешь

ты видеть, возрастают в душе, хотя бы и спящего, Сципиона. Ведь здесь он одним разом выказывает одинаковую готовность всех гражданских добродетелей.

3. В том, что он не колеблется духом, устрашенный предсказанием смерти, – проявляется мужество, а то, что его страшат козни родных и чужое злодеяние больше, чем собственная гибель, происходит от почтительности [pietate] и чрезмерной любви в отношении своих близких. Это же, как мы говорим, отражает [его] справедливость [32], согласно которой каждый бережет то, что для него свое. В том, что Сципион не считает за достоверное то, что сам полагает, но, напротив, отвергает мнение, возрастающее в менее осмотрительных умах вместо истинного и разыскивает более достоверного знания, – [проявляется] несомненное благоразумие.

4. И когда человеческой природе, к которой, как ему известно, он сам принадлежит, обещается совершенное блаженство и небесное жилище, а он, однако, смиряет, сдерживает и подавляет желание услышать об этом, – для того, чтобы спросить о жизни деда и отца, – что это, если не умеренность [33]? Как уже тогда стало ясно, Сципион Африканский во сне был перенесен в место для него предназначенное.

5. С другой стороны, в этом вопросе Сципиона затрагивается [проблема] бессмертия души. Ведь смысл его вопрошания таков: мы полагаем, говорит он, что душа с последним вздохом умирающего гибнет, и более не существует после [смерти] человека. Ведь он сказал: *которых мы полагаем умершими*, а то, что гибнет, уже перестает существовать. Поэтому, говорит Сципион деду, я хотел бы, чтобы ты ответил – продолжают ли быть живы вместе с тобой отец мой Павел Эмилий и другие?

6. Что же ответил тот на вопрос, который [задан] о предках – почтительным сыном, а о других [людях] – [человеком] мудрым, исследующим самую природу? *Разумеется,* говорит его дед, *они живы, ведь они освободились от оков своего тела, словно это была тюрьма, а ваша жизнь, как ее называют, есть смерть.*

7. Если смерть есть схождение в преисподнюю, а жизнь – пребывание в вышних [небесных сферах], то ты легко различишь, *что* должно считать смертью души, а что жизнью, если определить *какое* место нужно полагать преисподней, чтобы считать, что душа, когда она загоняется сюда, [в тело], – умирает, а когда она далеко отсюда – наслаждается жизнью и воистину существует.

8. И поскольку в этих немногих словах деда Сципиона ты найдешь сокрытым полное рассуждение, которое развила в исследовании этого вопроса мудрость древних, мы, любя краткость, выбрали из всего [сказанного ими] то, чего как-нибудь хватит, чтобы научить нас краткому изложению [absolutione] того, что мы ищем.

9. Еще прежде, чем занятие философии исследованием природы достигло такого размаха, те, кто после установления необходимых таинств, были у различных народов создателями священных обрядов, утверждали, что преисподняя – это не что иное, как [смертные] тела [34], запертые в которых души терпят заключение, жуткое из-за тьмы, бросающее в дрожь из-за нечистот и крови [sordibus et cruore] [35].

10. Это называли они гробницей души, это – подземельем Плутона, это - преисподней, и все, что, как полагает сказочный вымысел, находится там, они попытались приписать нам самим и нашим человеческим телам. Они объявляли, что река забвения Лета [36] есть не что иное, как ошибка души, забывшей величие прежней жизни, которой она обладала прежде, чем быть загнанной в тело [37], и думающей, что только в теле возможна жизнь.

11. Согласно тому же толкованию, они посчитали, что Флегетон - это пылание гнева и страстей, Ахеронт - [состояние], когда все сделанное или сказанное огорчает нас, доводя, по обыкновению людей, до скорби. Коцит - это все, что ввергает нас в стенания и слезы, Стикс – все, что топит человеческие души в водовороте взаимной ненависти [38].

12. Они также полагали, что описание наказаний взято из самой практики человеческого общежития [39]. Стервятника, *терзающего бессмертную печень* [40], они предпочитали понимать не иначе, как угрызения совести [tormenta conscientia], которая бередит самое нутро, повинное в бесчестном поступке, терзает неустанным напоминанием допущенного злодеяния самые жизненные внутренности. И если [люди] вдруг попробуют успокоиться, она всегда возбуждает заботы, словно *внедряется в отрастающую заново печень* [41]. [Совесть] не смягчает себя никакой жалостью, ведь есть закон, что *всякий преступник не избегнет стать судьей себе самому* [42], и не может сам не вынести себе приговор.

13. [Древние] говорили, что те люди терзаются от голода и чахнут от истощения перед выставленными у них перед глазами яствами, кого жажда все большей и большей наживы заставляет не видеть уже имеющихся богатств. И в роскоши нищие, они страдают от лишений среди изобилия. Они не умеют ценить нажитое [богатство], в то время как хотят иметь еще и еще.

14. Те, *распятые, висят на спицах колес* [43], кто ничего не обдумывает и не предусматривает, у кого ничто не сдерживается рассудком, кто не вызволяет себя [из трудного положения] превосходными качествами души [virtutibus] [44], кто и себя, и все свои дела вверяет удаче, и вечно вращается под действием обстоятельств и случая.

15. [Иные] *огромные катят камни* [45], растрачивая свою жизнь в безуспешных и тяжких потугах. А мрачный валун, всегда готовый качнуться, и, кажется, повалиться [обратно], нависает над головами тех, кто домогается величайших постов и [хочет сделаться] злосчастным тираном, кому никогда не одержать верх, [не обретя] страха. И те, кто подвластную толпу заставляет ненавидеть, *лишь был бы страх* [46], всегда, похоже, кончают крахом, как того заслуживают. И не напрасно [древние] богословы предполагали это.

16. Ведь и беспощадный узурпатор сицилийского двора Дионисий захотел однажды показать своему приближенному, который только жизнь тирана считал блаженной, до какой степени несчастна такая жизнь из-за постоянного страха и сколь исполнена вечно нависшими опасностями. Он приказал, среди [раставленных] яств подвесить на тонкой нити за рукоять обнаженный меч, так, чтобы обращенное вниз

острие его оказалось над головой того приближенного. И когда тот, перед лицом смертельной опасности, стал тяготиться богатствами и Сицилии, и тирана, Дионисий сказал ему: «Такова жизнь, которую ты считал блаженной. Так [живя], мы всегда видим нависшую над нами смерть. Скажи, может ли когда быть счастлив тот, кто не перестает бояться?» [47].

17. Поэтому, в соответствии с тем, что утверждают богословы, если мы истинно полагаем, что каждый претерпевает собственные адские муки [manes] [48] и преисподняя находится в этих [смертных] телах, то нужно ли смерть души понимать иначе, чем погружение в преисподнюю тела [49], а жизнь - восхождение ее к вышним [сферам], после того как она оставит тело?

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В предыдущей главе *Комментария* Сципион Старший (235 - 183), явившийся во сне Сципиону Младшему (185 - 129), предсказывает последнему гибель: „когда твой возраст совершит восемью семь оборотов и возвращений солнца, а эти два числа... завершат число лет, назначенное тебе роком,.. ты должен будешь как диктатор установить в государстве порядок, если только тебе удастся спастись от нечестивых рук твоих близких». Ходили слухи, что внезапная смерть Сципиона была делом рук его жены Семпронии и тещи Корнелии, соответственно сестры и матери убитого руководимыми Сципионом сенаторами Тиберия Гракха (162 - 133).

[2] Хранителями [servatores] Цицерон, скорее всего, называет стражей из *Государства* Платона.

[3] Цитаты из *Сна Сципиона* Цицерона даны (с небольшими изменениями) в переводе В. О. Горенштейна.

[4] Ср. *Плотин.* О добродетелях I, 2, 1.

[5] См.: *Платон.* Государство IV, 427e -429a.

[6] Согласно намеченной Плотином и описанной Порфирием иерархии добродетелей, существуют четыре их рода: гражданские, очищающие, умные (которые принадлежат уже очищенному духу) и добродетели - образцы. Здесь Макробий сообщает функции очищающих добродетелей, которые свойственны философам и превышают добродетели гражданские. Ср. *Плотин.* О добродетелях I, 2, 1; *Порфирий.* К умопостигаемому XXXII, 2-3.

[7] На самом деле в трактате *О добродетелях* I, 2 Плотин говорит только о двух уровнях добродетелей, противопоставляя гражданские очищающим. Затем он, не называя это третьим и четвертым уровнями, рассуждает о том, какой вид приобретают добродетели у человека, полностью очистившегося, и описывает два модуса того, что в душе является добродетелью, а в уме – уже не добродетелью, но ее прообразом. Правда, при этом Плотин даст определения тому, что Порфирий назовет «умными» добродетелями и добродетелями-образцами.

[8] См.: *Аристотель.* Политика I, 9; *Сенека.* О милосердии I, 3, 2.

[9] *Вергилий.* Энеида VI, 664.

[10] Ср.: *Цицерон.* О пределах добра и зла V, 65; *Порфирий.* К умопостигаемому XXXII, 2 (Lamberz).

[11] Скорее всего, понимание Макробием «человечности» остается в основном русле античной традиции, где humanitas - это разумное поведение по отношению к окружающим. Обратные примеры составляют скорее исключение. Ср.: *Сенека.* О милосердии I, 2, 2: «Мы должны соблюдать меру [в прощении], но поскольку соблюсти ее трудно, и чему-то суждено нарушить равновесие, пусть оно перевесит в сторону более человеческого».

[12] *Ювенал.* Сатиры X, 360.

[13] Ср.: *Порфирий.* К умопостигаемому XXXII, 4 (Lamberz).

[14] *Ibid.* XXXII, 5 (Lamberz).

[15] *Вергилий.* Энеида VI, 733. Ср.: *Цицерон.* Тускуланские беседы III, 7; IV, 11–14; *Гораций.* Послания VI, 12; *Филон Александрийский.* О жизни Моисея II, 139; *Сервий.* Vergilii Carmina Commentarii II, 103.

[16] Если греки говорят, что цель человека – достижение блага через уподобление Богу, а добродетели, как особенно подчеркивают и Плотин, и Порфирий, – лишь средство для этого, то латиняне предпочитают называть целью человека достижение блаженства. Ср.: *Цицерон.* Сон Сципиона XIII, 13; *Августин.* О граде Божием X, 29: «Бог от природы вложил в нас желание быть блаженными и бессмертными»; *Ibid.* VIII, 3: «желание [Сократа] открыть что-нибудь ясное и точное, необходимое для жизни блаженной, ради которой единственно, по-видимому, и трудились с такой рачительностью все философы».

[17] *Ювенал.* Сатиры XI, 27.

[18] *Ксенофонт.* Киропедия VII, 2, 20; *Цицерон.* Тускуланские беседы I, 22, 52.

[19] Ср.: *Порфирий.* К умопостигаемому XXXII, 8 (Lamberz).

[20] Макробий (*Сатурналии* I, 6, 6) говорит, что это было написано на фронтоне Дельфийского храма. Ср.: *Павсаний.* Описание Эллады X, 24, 1.

[21] *Персий.* Сатиры I, 7.

[22] fames, mitis – горючий материал. Быть может, здесь прослеживается влияние стоицизма, под воздействием которого находились все языческие и церковные авторы того времени. В стоической традиции – наделять тонкими телами все существующее (дыхание, ум, материю, бога). Согласно стоикам, огненная пневма-дыхание пронизывает вселенную.

[23] *Вергилий.* Энеида, XII, 952.

[24] *Ibid.* VI, 736-737. Ср.: *Сервий.* Vergilii Carmina Commentarii II, 103-104.

[25] Ср.: *Платон.* Федр 249b.

[26] Эту цитату из Гесиода (*Труды и дни* 121–26) неоднократно цитировали платоники. Ср.: *Платон.* Государство V, 469a; Кратил 398a.

[27] *Вергилий.* Энеида VI, 640–41.

[28] Комментаторы античности и средневековья рассматривали Вергилия не только как поэта, но и как философа. Ср.: *Макробий.* Сатурналии I, 24, 16-18: «Из всего, что составляет славу Марона, я, усердный его читатель, восхищаюсь тем, с какой точностью и ученостью он описал законы понтификов во многих разнообразных частях своего труда, как будто он сам исполнял эти обязанности. Если мы продолжим разговор об этом предмете, то берусь доказать вам, что наш Вергилий должен быть отнесен к числу великих понтификов»; «у нашего поэта... я нахожу такие познания в области учения авгуров, которых вполне достаточно, чтобы принести ему славу...»; «я бы больше всего стал хвалить его за то, как осторожно и незаметно он многое заимствует у греков, местами искусно скрывая это, местами подражая открыто, если бы еще большего восхищения не вызывала у меня его астрология и философия, которую он бережно и понемногу рассеял по всем своим произведениям» (пер. Т. А. Миллер). Ср.: *Сервий.* Vergilii Carmina Commentarii VI, 1: «весь Вергилий исполнен знания, в котором эта книга [VI книга *Энеиды*] первая; что-то излагается в ней просто, многое [в ней] – из истории, а многое [дается] через глубокое знание философов, богословов и египтян». Подробно об этом: *В. И. Уколова.* Поздний Рим: пять портретов. М.: «Наука», 1992. С. 61-63.

[29] *Вергилий.* Энеида VI, 653-655.

[30] Ср.: *Цицерон.* Тускуланские беседы I, 30, 72.

[31] Ibid. III, 1, 2.

[32] iustitia, – термин, сложный для перевода, имеющий целый ряд значений: справедливость, правосудие, право. У Цицерона в *Топике* I, 23, 90 (пер. А. Е. Кузнецова) по этому поводу можно прочесть следующее: «Когда спрашивается о справедливости и несправедливости, следует обратиться к местам, имеющим отношение к справедливости. Их различают два: природа и установление. Справедливость по природе делится на две части: уделять каждому свое и право отмщения. Справедливость по установлению – на три части. Первая – закон, вторая – приличия, третья – старинные обычаи. Еще говорят, что справедливость делится на три части так: одна – для богов, другая – для манов, третья – для людей. Первая – благочестие, вторая – почитание предков, третья – право и справедливость».

[33] В этом абзаце Макробий аллегорически толкует четыре добродетели Платона (*Федон* 69ac): fortitudo [ἀνδρεία], iustitia [δικαιοσύνη], prudentia [φρόνησις], temperantia [σωφροσύνη]. В. О. Горенштейн, переводя отрывок из VI главы *Комментария* Макробия, дает следующий ряд: мудрость, справедливость, храбрость, воздержанность.

[34] Подробнее об этом Макробий пишет в главе XI.

[35] Это место (X, 8–10) является переосмыслением пассажа из *Федона* 69ac, в котором Платон рассматривает четыре вышеупомянутые добродетели как средство очищения от страстей, заключая: «сошедший в Аид непосвященным [т.е. не обладающий добродетелями] будет лежать в грязи, а очистившиеся и принявшие посвещение, отойдя в Аид, поселятся среди богов». Не случайно Макробий говорит здесь о сокрытой в немногих словах древней мудрости учредителей «таинств» (мистерии у пифагорейцев и орфиков носили очистительный характер).

[36] Согласно греческой традиции, чтобы попасть в царство мертвых – Аид, душам умерших предстояло переправиться через реки: огненный Флегетон, ледяной Коцит, мрачный Ахеронт, ненавистный Стикс и реку забвения Лету, испив воду которой, души умерших забывали о своей прежней жизни.

[37] Подробнее об этом говорится в главе XII, 8-11.

[38] Настоящий отрывок (X, 11-15) имеет основой рассуждение Лукреция (*О природе вещей* III, 978-1023), полагавшего, что происходящие, согласно молве, в глубинах Ахеронта наказания находятся в нашей здешней жизни. Лукреций рассматривает загробные мучения и пытки как аллегорическое описание человеческих страстей. Сизиф, катящий камень, – это ничтожный властолюбец, всегда кончающий крахом; Данаиды, обреченные бесконечно наполнять разбитый сосуд, – это те, кто не довольствуется имеющимся. Прочие страшные мучения происходят от сознания совершенных проступков (mens sibi conscia factis), являясь карой за содеянное. «Так и становится жизнь у глупцов, наконец, Ахеронтом», – заключает Лукреций.

[39] Ср.: *Лукреций*. О природе вещей III, 978-9.

[40] *Вергилий*. Энеида VI, 598.

[41] Ibid. VI, 600. Ср. замечание А. А. Тахо-Годи, что древние (Гомер) считали печень средоточием жизни. Так, Гекуба жаждет умертвить Ахилла, вонзившись зубами в его печень (*Илиада* XXIV, 212-214). В языке зависимость настроения человека от состояния печени выразилась в том, что «гнев» именовался «желчью» [χολή], а гневный человек – «желчным» [χολωτός].

[42] *Ювенал*. Сатиры XIII, 2-3.

[43] *Вергилий*. Энеида VI, 616-617.

[44] В данном контексте virtus – это достоинство, т.е. люди выходят из трудного положения с достоинством, не опорочив своей чести.

[45] *Вергилий*. Энеида VI, 616.

[46] *Акций*. Атрей, фрагм. 203, Риббек. Эти слова часто цитировались римскими писателями. См.: *Цицерон*. Филиппики I, 14, 34; В защиту Публия Сестия X, 8, 102; Об обязанностях XXVIII, 97; *Сенека*. О гневе I, 20, 4; *Светоний*. Жизнь двенадцати цезарей. Тиберий 63-67.

[47] Ср.: *Цицерон*. Тускуланские беседы V, 61-62; *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Дион и Брут IX.

[48] *Вергилий*. Энеида VI, 743.

[49] Ср.: *Плотин*. О природе и источнике зла I, 8, 13: «Для души, еще погруженной в тело, смерть – это утонуть в материи и наполниться ею; а для души, вышедшей из тела, смерть – это пребывать погребенной в материи до тех пор, пока не удастся ей каким-нибудь образом вырваться наверх и вытащить взор свой из грязи» (пер. Т. Ю. Бородай).